

The Indo-European Language Family: Questions about its Status.
Angela Marcantonio (ed.).
Journal of Indo-European Studies, Monograph Series 55.
Washington: Institute for the Study of Man, 2009. 476 pp. ISBN 978-0-941694-03-2

Индоевропеистика пережила научные парадигмы, вызвавшие ее появление как отдельной области знания в первой половине 19-го века. Хотя исследовательская методология пионеров индоевропеистики, таких как Франц Бопп, Расмус Раск и Август Шлейхер, сегодня считается устаревшей, существование индоевропейской языковой общности продолжает являться аксиомой для исследователей, называющих себя индоевропеистами. Основными объектами научного спора в современной индоевропеистике являются детали индоевропейской реконструкции и статус отдельных таксонов внутри генеалогической конфигурации, например, позднеиндоевропейский прайзык, иногда постулируемый как общий предок индоиранского, армянского и древнегреческого языков.

Для многих современных ученых само наличие консенсуса по многим вопросам индоевропейской реконструкции является важным социологическим аргументом в пользу существования индоевропейского прайзыка. Если спросить таких исследователей, что является формальным доказательством генетического единства индоевропейской языковой семьи, можно услышать ответы, разнящиеся от наличия регулярных фонетических соответствий между отдельными его потомками до внешнего сходства между грамматическими показателями древних индоевропейских языков. Такие ответы являются неаккуратными или неполными. Регулярные фонетические соответствия обнаруживаются, например, между арабским и персидским языками на корпусе арабских заимствований в персидском, тогда как опора на грамматические морфемы не позволит установить генетическое единство, например, между английским языком и хинди. Даже критерий регулярных соответствий в базисной лексике, принимаемый наиболее подготовленными из традиционных компаративистов, пока не реализуем в автоматическом режиме: не существует, например, компьютерной программы, получающей на входе стандартные списки хеттской, ведийской и древнегреческой базисной лексики и выдающей на выходе систему регу-

лярных фонетических соответствий между тремя языками.

Подобная ситуация облегчает деятельность маргинальных фигур, пытающихся доказать, что индоевропейская реконструкция представляет из себя гигантский мыльный пузырь. Их наиболее заметным представителем сегодня является Анджела Маркантонио, редактор рецензируемого сборника. Сам сборник включает статьи ученых и дилетантов-индоевропеистов, в целом признающих индоевропейское языковое родство, но зачастую отстаивающих прямо противоположные взгляды по ключевым вопросам индоевропеистики. Во введении к сборнику Маркантонио интерпретирует данный разброс мнений как свидетельство отсутствия твердой методологической базы у индоевропеистики как научной дисциплины. Например, если ученые не могут прийти к единому мнению о месте индоевропейской прародины, была ли такая прародина? Если не достигнут консенсус по вопросу о том, был ли реконструированный индоевропейский прайзык типологически более сходным с древнеиндийским или с хеттским, насколько надежна индоевропейская реконструкция? Наконец, если индоевропеисты не могут прийти к согласию по вопросу о формальном доказательстве наличия индоевропейской языковой общности, что объединяет их в одно научное сообщество?

Ключевым объектом критики со стороны Маркантонио является, однако, принципиальная неспособность индоевропеистов к выдвижению проверяемых гипотез. Обоснованию данного положения посвящена отдельная авторская статья за номером 10 (сборник не имеет сквозной пагинации). Как поясняет Маркантонио, для сравнения лексического и грамматического материала в различных языках требуется сначала выдвинуть гипотезу о том, что они являются родственными. Результатом сравнения является прайзыковая реконструкция, которая рассматривается в дальнейшем как доказательство языкового родства. Подобный метод является ненаучным согласно принципам постпозитивизма, отраженным, например, в работах Карла

Поппера, поскольку он не предполагает фальсификации гипотезы о случайном характере наблюдаемых сходств между языковыми единицами. Эта критика в целом справедлива в отношении основоположников индоевропеистики, хотя и представляет собой анахронизм, поскольку последние жили задолго до постпозитивистов. Метаязыком проверки гипотезы языкового родства должен, согласно Маркантонио, служить язык математической статистики, в которой она сама, по-видимому, считает себя специалистом.

В то же время конкретное статистическое исследование, приведенное в работе Маркантонио, демонстрирует ее полное непонимание принципов отбора данных для статистического анализа. В качестве сравнительного материала, проверяемого на статистическую значимость, используются формы из словаря индоевропейских глаголов [Rix 2001]. Задачей данного словаря являлось не доказательство родства между индоевропейскими языками, а уточнение деталей классификации индоевропейских глагольных форм. Оттуда исключались, например, деноминативные глагольные формы, имеющие несомненные корневые когнаты в других языках, но нерелевантные для реконструкции индоевропейской глагольной системы. Это дисквалифицирует корпус словаря Рикса в качестве репрезентативной выборки для целей, декларированных Маркантонио. Таким образом, итальянская исследовательница попадает в порочный круг, подобный тому, который она разоблачает в работах первых индоевропеистов. Существенная разница между научными результатами Боппа и Маркантонио заключается в том, что выводы Боппа оказались интуитивно правдоподобными для большинства его современников, заинтересовавшихся индоевропейским языкознанием, тогда как выводы Маркантонио не разделяются в полной мере даже авторами, согласившимися представить статьи в редактируемый ею сборник.

С другой стороны, было бы неверным считать, что Маркантонио является первопроходцем в области проверки индоевропейской гипотезы статистическими методами. Среди ученых, работающих в данной области, наибольшей популярностью сегодня пользуется оценка формальных сходств в синонимической базисной лексике с использованием фонометрических параметров. В частности, статистическая значимость гипотезы индоевропейского языкового родства показана подобным методом в работе [Kessler & Lehtonen 2006], тогда как [Baxter & Manaster-Ramer 2000] представляет доказательство значимости гипотезы о родстве между англий-

ским языком и хинди, максимально эксплицированное для лингвистов, не обладающих статистической подготовкой. Обе данных работы никак не опираются на методологию сравнительно-исторического метода, и, в частности, отбор базисной лексики для целей эксперимента не определяется наличием или отсутствием внешних когнатов у соответствующих лексем. Ответственный исследователь, сомневающийся в существовании индоевропейской языковой семьи, должен был бы начать с опровержения статистических результатов вышеуказанных работ, которые, тем не менее, даже не упоминаются в библиографии Маркантонио.

В социологическом плане следует отметить, что Анджела Маркантонио пришла к своему мнению касательно индоевропейских языков не в результате традиционных историко-этимологических занятий данной семьей. Предшествующий этап ее исследовательской карьеры был посвящен уральским языкам и завершился опубликованием монографии, в которой отрицалось уральское языковое родство [Marcantonio 2002]. Реакция исторических лингвистов на данную работу варьировалась в диапазоне от осторожного несогласия с ее основным выводом [Vajda 2004] до вежливого, но твердого неприятия всех ее принципиальных положений [Laakso 2004] и не столь вежливых упреков автору в научной некомпетентности [Kallio 2004]. Основная заслуга автора была сформулирована в одной из рецензий следующим образом: «The book should ... provoke discussion on the implementation of statistical methods in comparativistics and ... be a step forward in developing more reliable statistical tests» [Saarkivi 2004: 191]. Насколько можно судить по рецензируемому сборнику, Маркантонио не стала совершенствовать свои статистические методы, решив вместо этого опровергнуть с их помощью еще одну общепризнанную языковую семью. Все вышеизложенное дает основания предположить, что Анджела Маркантонио скорее заинтересована не в поиске научной истины, а в привлечении широкого общественного внимания к собственной научной деятельности.

На этом месте хотелось бы перейти от анализа научных взглядов редактора сборника к обсуждению отдельных работ, включенных в рецензируемую публикацию. Понимание статьи слависта Хеннинга Андерсена «The satem languages of the Indo-European Northwest: first contacts» крайне затруднено большим количеством опечаток в транслитерации, допущенных в процессе подготовки статьи к печати. Ясно, однако, что Андерсен объясняет возникновение балтийских и славянских эн-

линоменов как результат контактно-обусловленной потери унаследованного акцента в определенной фонетической позиции. Аргумент автора имеет подчеркнуто типологический характер: ему неизвестны случаи возникновения энклиноменов в процессе естественной языковой передачи (стр. 2–11). Данное признание, впрочем, имеет ограниченную научную ценность, поскольку автору также не известны энклиномены в языках, отличных от балто-славянских, что сужает его типологическую выборку до трех примеров. Что касается собственно исторических аспектов реконструкции, Андерсен опирается на балто-славянскую акцентную реконструкцию диссертации [Olander 2006]. Выводы Олантера существенным образом отличаются как от взглядов Московской акцентологической школы, согласно которым балто-славянские энклиномены возникли в результате трансформации более ранних низкотональных платформ, так и от выводов недавней работы [Jasanoff, forthcoming], трактующей балто-славянские подвижные акцентные парадигмы не как результат энклизы, а как следствие наложения двух последовательных передвижений ударения, осложненных аналогическими преобразованиями. В виду вышеизложенного, гипотеза Андерсена представляется весьма спекулятивной, хотя, разумеется, нельзя исключить *a priori* субстратное влияние на развитие балто-славянской акцентной системы.

Тандем дравидологов Э. Аннамалаи и С. Б. Стивера посвятил свою работу попытке опровержения гипотезы об индийской прародине индоевропейцев. Справедливо отмечая, что данная гипотеза отражает общественный заказ шовинистически настроенных кругов индуистских интеллектуалов, авторы останавливаются на типологических различиях между санскритом и древнетамильским языком. С их точки зрения, данные различия говорят против длительного симбиоза индоарийских и дравидийских языков на одном субконтиненте. К сожалению, их аргументацию следует признать методологически ошибочной, поскольку даже языки, долгое время соседствовавшие в одном и том же регионе, например восточно- и западнокавказские, могут быть типологически далеки друг от друга. С другой стороны, пример балканского языкового союза показывает, что временная дистанция в 1000–1500 лет вполне достаточна для типологического сближения языков даже при отсутствии языкового сдвига. Напротив, сценарий арийской миграции на территорию северной Индии как раз предполагает языковой сдвиг, поскольку группы индоариев, пришедших из-за Гиндукуша,

едва ли могли физически вытеснить все туземное население из долин Инда и Ганга. И действительно, в монографии [Masica 1976] приводятся многочисленные типологические параллели между индоарийскими и дравидийскими языками, хотя авторы обсуждаемой статьи в целом оставляют их без комментариев. С нашей точки зрения, наиболее убедительным аргументом против спекуляций индуистских шовинистов являются соображения лингвистической географии. Центр наибольшего языкового разнообразия индоевропейской семьи явно располагается за пределами Индостана, тогда как для дравидийской семьи его как раз можно постулировать на территории северной Индии.

Тему мифа об индийской прародине индоевропейцев продолжает статья Эдвина Брайана «The Indo-Aryan migration debate». Данная работа относится к социологическому жанру. Автор, посвятивший в прошлом целую монографию анализу псевдонаучного исторического нарратива индуистских шовинистов, резюмирует его основные положения для аудитории индоевропеистов. Как правильно подчеркивает Брайан, «теория исхода из Индии» является формально неполной, поскольку ее адептов в целом не интересуют хронология и траектории миграций, приведших к возникновению индоевропейских лингвистических сообществ за пределами индийского субконтинента. Их основной заботой является пропаганда древности индоарийской цивилизации на территории Индостана и, в частности, арийского характера культуры Мохенджо-Даро и Хараппы. Предположение о миграции индоарийцев извне, согласно взглядам индуистских радикалов, является выдумкой английских колонизаторов, стремившихся доказать, что коренное арийское население имеет не большее право называть Индию своей родиной, чем мусульмане или европейцы (4–8). Хочется надеяться на то, что улучшение экономического положения Индии постепенно приведет к деполитизации проблемы арийских миграций в данном регионе. На сегодняшний день попытки научной дискуссии с убежденными последователями «Теории исхода из Индии» представляются малоперспективными.

Хеттолог Онофрио Карруба, не являющийся, по собственному признанию, специалистом в индоевропеистике (5–2), посвятил свою статью проблеме происхождения индоевропейского аблauta. Отвергая причинно-следственную связь между акцентом и аблautными (апофоническими) чередованиями древних индоевропейских языков, автор предполагает, что последние имели дейктическую

функцию. Если мы правильно понимаем общую идею Караббы, вокализм *e* связывается с ближнеспредним дейксисом и стабильностью, а вокализм *o* связывается с дальнеспредним дейксисом и окказиональностью. Данная теория представляется плохо формализуемой в рамках сегментной морфологии: Карабба нигде не утверждает прямо, что алаутные *e* и *o* являются отдельными морфемами, но, тем не менее, приписывает им определенные значения. Кроме того, насколько мы можем судить, она не подтверждается типологическими параллелями. В частности, в семитских языках, где трансфиксы, несомненно, являются отдельными морфемами, для них постулируются конкретные грамматические значения (например, активное причастие первой породы, обозначение профессий и т. д.), а не абстрактные дейктические коннотации. Как представляется, Карабба исходит из широкого применения звукосимволизма в раннеиндоевропейском пражзыке, что выдает его симпатии к гипотезе языковой стадиальности. Заслугами работы Караббы являются, с нашей точки зрения, полезный обзор современной литературы по происхождению алаута, а также здоровый критический взгляд на акцентную теорию алаута, доминирующую в современной западной индоевропеистике.

Статья Паоло ди Джовине, посвященная реконструкции глагольного словоизменения и словообразования в индоевропейском пражзыке, делает особый упор на классификацию глагольных систем отдельных индоевропейских языков по степени их «архаичности». С точки зрения автора, наиболее «архаичные» глагольные системы наблюдаются в индоиранском и древнегреческом. В частности, в данных языках хорошо выражены модальные категории конъюнктива и оптатива, которые оказались полностью утрачены в хеттском. К сожалению, автор обходит молчанием ключевой архаизм хеттской глагольной морфологии, а именно последовательное лексическое противопоставление *-ti-* и *-hi-*-спряжений во всех сохранившихся временных и модальных формах. В древнегреческом языке соответствующее противопоставление сохранилось лишь в системе презенса и проводится крайне непоследовательно по диалектам, тогда как в ведийском оно почти полностью устранило. По нашему мнению, вопрос об относительной «архаичности» или «инновативности» древнейших индоевропейских языков является чисто статистическим, поскольку в каждом из них есть свои архаизмы и инновации. Существенным для классификации, однако, является тот факт, что в ведийском и древнегреческом языках существуют общие ин-

новации, которые отсутствуют в хеттском, например, сигматический аорист [Jasanoff 2003: 204–5] или метатеза в кластерах со «спирантами Брутгмана» [Ringe 2010].

Проблематичным с методологической точки зрения является заключение автора: «[R]econstructed Indo-European presents itself as a linguistic area already clearly differentiated into dialects» (6–20). С точки зрения социолингвистики, диалектная дифференциация является результатом территориальной экспансии или социальной стратификации единого языкового сообщества. Поэтому, с точки зрения компаративистики, продукт диалектной дифференциации может являться лишь промежуточным звеном в реконструкции единого пражзыка. Разумеется, определенные аспекты пражзыкового состояния всегда остаются недоступными для реконструкции, но то же самое касается и промежуточных диалектов. Декларации, подобные процитированной выше, обычно отражают не желание отдельных специалистов брать на себя ответственность за реконструкцию в сложных случаях.

К вопросам классификации индоевропейских языков обращается также Бриджит Дрнка в статье «Stratified reconstruction and a new view of a family tree model». В действительности эта работа выступает против древовидного представления индоевропейской семьи, предлагая заменить его альтернативной моделью, учитывающей фактор контактов между отдельными дифференцированными диалектами. Признавая недостаточное внимание, уделяемое контактно-обусловленным инновациям в современной индоевропеистике, хотелось бы вместе с тем отметить, что критика Дрнки часто бьет мимо цели. Исследовательская программа Дональда Ринджа и его соавторов, избранная Дрнкой в качестве основного объекта критических замечаний, как раз включает разработку формального представления вторичных контактов между родственными индоевропейскими языками. Данная тема детально раскрыта в статье [Nakhleh et al. 2005], которая цитируется, но не обсуждается в работе Дрнки. Напротив, схема индоевропейской языковой филиации, предлагаемая археологом Дэвидом Энтони и рекомендуемая Бриджит Дрнкой в качестве альтернативы к древовидным моделям, не является формальной и не может быть фальсифицирована лингвистическими методами. С нашей точки зрения, Дрнка правильно отмечает недостаточное внимание к общим инновациям греческой и индоиранской глагольной системы в модели Дональда Ринджа и его соавторов, однако данный недостаток может легко быть исправлен

при помощи изменения классификационных параметров и не требует отказа от самой модели.

Археолог Александр Хойслер выступает против попыток идентификации носителей индоевропейского языка или его древних диалектов с отдельными археологическими культурами. Он также высказывается против реконструкции миграций индоевропейских племен, отдавая предпочтение сценарию постепенного языкового сдвига. Вопрос об археологических коррелятах индоевропейской языковой экспансии должен, разумеется, решаться в первую очередь археологами, однако можно выразить сожаление, что на страницах сборника не представлена точка зрения коллег Хойслера, придерживающихся других взглядов, таких, как Джеймс Мэллори или вышеупомянутый Дэвид Энтони. Заметим, что Колин Ренфрю, чья точка зрения обсуждается Хойслером в заключительной части статьи, также считает возможным предлагать лингвистические идентификации для археологических культур, хотя его археологическая идентификация индоевропейцев с древнейшими земледельцами Европы резко отличается от взглядов большинства лингвистов-индоевропеистов.

С другой стороны, хотелось бы предостеречь Хойслера и других археологов от некритичного использования взглядов Ёрма Койвулехту и его последователей на локализацию уральской или финно-угорской прародины к северо-западу от верхнего течения Волги (ср. 8.9–10). Критерий наибольшего языкового разнообразия, уже упоминавшийся в связи с индоевропейскими или дравидийскими языками, указывает на прародину уральцев к востоку от Урала и прародину финно-угров в районе Урала. Основным лингвистическим аргументом Койвулехту является наличие древнейших индоевропейских заимствований в уральском, однако семантика соответствующей лексики скорее говорит в пользу того, что она унаследована из общеиндоуральского состояния [Helimski 1999]. По нашему мнению, широкое распространение взглядов Койвулехту в современном научном дискурсе объясняется, с одной стороны, традиционным недоверием индоевропеистов к индоуральской гипотезе, вызванным их недостаточным знакомством с уральским языковым материалом, а с другой стороны, желанием националистически настроенных финских ученых доказать древность пребывания предков финнов на территории Финляндии.

Наиболее эксцентричной из работ, представленных в коллективной монографии, является, пожалуй, статья Николаса Казанаса, посвященная обоснованию индийской прародины индоевро-

пейцев. Чтобы получить представление о характере аргументации, выдвигаемой данным автором, достаточно одной цитаты (авторское выделение сохранено): «[O]nly Sanskrit has roots and proper vowel gradation. All other IE branches have stems, not roots as such» (9–20). Вместе с тем, именно Казанас делает попытку опровергнуть взгляды Маркантонио и доказать существование индоевропейской языковой общности, возможно, поскольку лишь он один из всех авторов сборника воспринимает ее научную программу всерьез. В его статье приводятся списки индоевропейских когнатов, принадлежащих к базовой лексике, призванные исключить гипотезу случайного совпадения или заимствования. Казанас, впрочем, спешит признать, что его сравнения имеют интуитивный характер, поясняя при этом: «[I]n the area under discussion, the proper “scientific” approach would be to ignore rigidity, regularity, and uniformity, since the linguistic and cultural changes occurred in diverse ways and certainly under no observable law» (9–10). В предисловии к монографии Маркантонио, в свою очередь, называет Казанаса в числе своих главных друзей-оппонентов (1–48). Несомненно, подобный симбиоз весьма удобен для обоих участников научного спора.

Типолог Ярон Матрас посвятил свою статью анализу двух индоарийских языков, для которых особенно характерно заимствование грамматических элементов. Речь идет о «цыганских» диалектных кластерах романи и домари, которые постоянно подвергаются влиянию со стороны языков-адстратов, поскольку их носители кочуют небольшими группами в иноязычной среде. Тем не менее, можно построить иерархию классов грамматических морфем в данных языках по степени проникновения в них заимствований. Морфемы, оказывающиеся на конце данной иерархии, такие как падежные и посессивные показатели, личные местоимения и глагольные окончания, обычно принадлежат к числу унаследованных элементов (11–19). Разумеется, заимствование менее стабильных элементов может повлечь за собой и заимствование их сопутствующей флексии (ср. англ. *alumnus/alumna/alumni* ‘выпускник/выпускница/ выпускники’), однако подобные парадигмы всегда остаются изолированными на периферии грамматической системы. Эта деталь, кажется, не вполне усвоена Маркантонио, поскольку последняя пытается использовать работу Матраса для интерпретации соответствий индоевропейских глагольных окончаний как результата лексической диффузии (1–49).

Рюдигер Шмитт завершает сборник полезным и детальным обзором древнеиранских фонетических и морфологических архаизмов, устранных в древнеиндийском. В социологическом плане данную статью можно, вероятно, рассматривать как своеобразный ответ Н. Казанасу, для которого «архаизм» структуры санскрита является одним из свидетельств его особого статуса среди индоевропейских языков. С точки зрения профессионального лингвиста, однако, не существует прямой корреляции между степенью «архаизма» того или иного языка и географической близостью его ареала к прародине языковой семьи. Поэтому эмпирическая работа Шмитта объективно оказывается чужеродным телом в сборнике, большинство авторов которого озабочено решением основополагающих проблем индоевропеистики.

Хочется надеяться, что приведенный выше обзор достаточен для демонстрации отсутствия общей методологической платформы у авторов рецензируемой публикации и позволяет исключить гипотезу о том, что мы присутствуем при рождении новой научной парадигмы. Последнего, впрочем, не утверждает и сам редактор. Важнее для нас подчеркнуть, что низкая когерентность сборника отражает отнюдь не общее состояние современной индоевропеистики, как это хотелось бы думать Маркантонио, а частные мнения исследователей, согласившихся опубликовать статьи под ее редакцией. В индоевропеистике, как и в любой другой области научного знания, можно найти как профессионалов, так и любителей, и высокая пропорция последних отражает сама по себе не бесперспективность данной дисциплины, а скорее ее общественную популярность. Вместе с тем, если собрать вместе ведущих и провинциальных индоевропеистов, специалистов в узких или смежных областях, дилетантов от индоевропеистики и ученых, изучающих последних как социологический феномен, нетрудно добиться неограниченного плюрализма мнений, правильных, спорных, фактически ошибочных и логически несостоятельных. Это, разумеется, не умаляет значения наиболее серьезных работ, попавших в сборник, таких как статьи Шмитта или Матраса, хотя и уменьшает их шансы оказаться замеченными.

С другой стороны, рецензируемый сборник представляет безусловный социологический интерес. Как правило, современные астрономы не вступают в диалог с представителями «Общества плоской Земли», а сторонники эволюционного учения Дарвина не организуют совместных симпозиумов с креационистами. То, что Анджеле Мар-

кантонио удалось собрать под одной обложкой Рюдигера Шмитта, Эдвина Брайана и Николаса Казанаса, свидетельствует не только о ее несомненных организаторских способностях, но и об отсутствии общепринятой жанровой границы между современным научным исследованием, метаученым дискурсом и околонаучным перформансом на тему индоевропеистики.

Причины такого положения дел опять-таки лежат за пределами чистой науки. В эпоху растущей специализации научной деятельности сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков продолжает носить междисциплинарный характер, и финансовая поддержка исследований по данной теме напрямую зависит от интереса, проявляемого к ней со стороны представителей смежных дисциплин и в целом в образованной части общества. Поэтому понятны попытки профессионалов-индоевропеистов покинуть «башню из слоновой кости» и донести результаты своих исследований до менее подготовленных оппонентов. Хотелось бы, однако, еще раз указать на необходимость применения математических методов в подобном диалоге. В противном случае в нем отсутствует метаязык, и у неискушенного читателя может сложиться впечатление, что Анджела Маркантонио является квалифицированным третейским судьей, а ее нигилистические выводы — закономерным результатом двухсотлетнего развития индоевропеистики.

Литература

- BAXTER, William H. and Alexis MANASTER-RAMER. 2001. “Beyond lumping and splitting: Probabilistic issues in historical linguistics”. In Colin RENFREW, April McMAHON, and Larry TRASK (eds.), *Time Depth in Historical Linguistics*. Cambridge, UK: McDonald Institute for Archeological Research. Pp. 167–188.
- HELIMSKI, Eugene. 2001. “Early Indo-Uralic Linguistic Relationships: Real Kinship and Imagined Contacts”. In C. CARPELAN, A. PARPOLA and P. KOSKIKALLIO (eds.), *Early Contacts Between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations*. Helsinki. Pp. 187–205.
- JASANOFF, Jay. 2003. *Hittite and the Indo-European verb*. Oxford University Press.
- JASANOFF, Jay. Forthcoming. “Balto-Slavic mobility as an Indo-European problem” to appear in the proceedings of the *Fifth International Workshop on Balto-Slavic Accentology* (IWoBA V).
- KALLIO, Petri. 2004. Review of [Marcantonio 2002]. *Anthropological Linguistics* 46/4: 486–89.
- KESSLER, Brett and Annukka LEHTONEN. 2006. “Multilateral comparison and significance testing of the Indo-Uralic question”. In P. FORSTER & C. RENFREW (eds.), *Phylogenetic methods and the prehistory of languages*. Cambridge, UK: McDonald Institute for Archaeological Research. Pp. 33–42.

- LAAKSO, Johanna. 2004. "Sprachwissenschaftliche Spiegelfechterei (Angela Marcantonio: The Uralic language family. Facts, myths and statistics)". *Finnisch-ugrische Forschungen* 58: 296–307.
- MARCANTONIO, Angela. 2002. *The Uralic language family: facts, myths, and statistics*. Oxford: Blackwell.
- MASICA, Colin. 1976. *Defining a linguistic Area: South Asia*. University of Chicago Press.
- NAKHLEH, Luay, Don RINGE, and Tandy WARNOW. 2005. "Perfect Phylogenetic Networks: A New Methodology for Reconstructing the Evolutionary History of Natural Languages". *Language* 81/2: 382–420.
- OLANDER, Thomas. 2006. *The prehistory of Balto-Slavic mobile accent paradigms*. Dissertation, University of Copenhagen.
- RINGE, Don. 2010. "'Thorn' Clusters and Indo-European Subgrouping". In R. KIM et al. (eds.), *Ex Anatolia Lux: Anatolian and Indo-European studies in honor of H. Craig Melchert on the occasion on his sixty-fifth birthday*. Ann Arbor: Beech Stave Press. Pp. 330–38.
- RIX, Helmuth. 2001. *Lexicon der indogermanischen Verben: Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen* (2nd ed.). In cooperation with M. KÜMMEL, Th. ZEHNDER, R. IPP, and B. SCHIRMER. Wiesbaden: Reichert.
- SAARKIVI, Janne. 2004. Review of Marcantonio 2002. *Journal of Linguistics* 1/2004: 187–91.
- VAJDA, Edward J. 2004. Review of Marcantonio 2002. *Canadian Journal of Linguistics* 48(1/2): 117–21.